

ПРОЛОГ

Охотник во мраке

Мы приходим в мир и умираем в беспомыслии.

То же случилось и с ним. Он родился во второй раз, но сначала должен был умереть. И заплатил за это свою цену: забыл, кто он такой.

«Я не существую», — твердил он снова и снова, ибо то была единственная доступная ему истина.

Пуля, пронзившая ему висок, унесла с собой его прошлое, а вместе с тем его личность. Но не затронула общую память и речевые центры: странное дело, но он говорил на многих языках.

Эти редкие лингвистические способности — единственное, что было в нем определенного.

Лежа в Праге на больничной койке, он ждал, когда поймет наконец, кто он такой, и вот однажды проснулся ночью и увидел у своего изголовья мужчину, кроткого на вид, с черными волосами, причесанными на косой пробор, с мальчишеским выражением лица.

— Я знаю, кто ты.

Эти слова должны были принести облегчение, но оказались лишь прелюдией к очередной тайне, ибо человек в темной одежде тотчас же положил перед ним два запечатанных конверта.

В одном, объяснил он, находится чек на предъявителя на двадцать тысяч евро и паспорт на вымышленное имя, куда остается только вклеить фотографию.

Во втором — истина.

Посетитель сказал, что он сам должен решить, но торопиться не нужно, времени предостаточно. Ведь узнать о себе

все не всегда благо, так что ему предоставляется вторая возможность.

— Подумай хорошенько, — посоветовал он. — Знаешь, сколько людей хотели бы оказаться на твоём месте? Сколько людей мечтают, чтобы амнезия навсегда стерла из памяти все ошибки и падения, всю боль прошлого и можно было бы начать сначала, с чистого листа? Если ты выберешь этот путь, послушайся меня и выбрось второй конверт, даже не открывая.

Чтобы облегчить ему решение, гость рассказал, что там, снаружи, никто не ищет его и не ждет. Нет у него ни привязанностей, ни семьи.

И посетитель удалился, унося с собой свои тайны.

А он все смотрел на конверты, смотрел до рассвета и в последующие дни. Что-то подсказывало ему: тот человек знал, что он в итоге выберет.

Проблема была в том, что он сам этого не знал.

То странное ночное предложение подразумевало, что содержимое второго конверта ему вряд ли понравится. «Я не знаю, кто я такой», — твердил он себе, но вскоре понял, что какую-то часть своей личности в состоянии постигнуть: прожить остаток жизни в сомнениях ему не под силу.

Поэтому в вечер перед выпиской из больницы он выбросил конверт с чеком и паспортом на вымышленное имя — чтобы не передумать. Потом вскрыл тот, где таилась разгадка.

В конверте лежал билет на поезд до Рима, немного денег и адрес церкви.

Сан-Луиджи деи Франчези.

Целый день он искал эту церковь. Отыскав, уселся на скамью в глубине центрального нефа и несколько часов любовался шедевром архитектуры, совершенным слиянием ренессанса и барокко. Туристы, толпившиеся у алтаря, не обращали на него внимания. Его самого ошеломила такая красота. Среди образов, какими питалась его девственная память, ничего подобного, скорее всего, не было: творения, окружавшие его сейчас, вряд ли можно было с легкостью забыть.

И он пока не знал, какое отношение имеет к нему все это.

Когда поздним вечером посетители потянулись прочь из церкви, подгоняемые близящейся грозой, он спрятался в одной из исповедален. Просто не знал, куда ему еще идти.

Массивные двери заперли, свет выключили, только свечи мерцали в темноте. Снаружи полил дождь. От раскатов грома вздрагивало пламя свечей.

И тогда раздался голос, гулко прозвучавший в пустом здании:

— Маркус, иди посмотри.

Значит, вот как его зовут. Он услышал свое имя, но это не произвело ожидаемого эффекта. Просто набор звуков, ни о чем не говорящий.

Маркус выбрался из укрытия и пошел искать человека, которого видел один-единственный раз, в Праге. Нашел его за колонной: он стоял перед одним из боковых приделов. Стоял спиной к проходу, не двигаясь с места.

— Кто я?

Человек не ответил. По-прежнему смотрел прямо перед собой: на стене маленькой капеллы висели три картины крупного формата.

— Караваджо создал эти полотна между 1599 и 1602 годом. «Призвание», «Вдохновение» и «Мученичество святого Матфея». Мое любимое — последнее. — Он указал на картину, висевшую справа. Потом обернулся к Маркусу. — Согласно христианским преданиям, святой Матфей, апостол и евангелист, был убит.

Святой на картине сбит с ног, и его убийца занес меч, готовясь нанести смертельный удар. Свидетели в ужасе разбегаются, предвидя то, что должно случиться, давая свершиться злу, которое вот-вот восторжествует. Матфей, вместо того чтобы покориться судьбе, протягивает руку, словно пытаясь остановить острие, избежать мученичества, которое сделает его святым, подарит вечное блаженство.

— Караваджо вел рассеянную жизнь, посещал самые значимые места Рима, и на тот или иной сюжетный ход в картине его частенько наталкивало то, что он видел на улице. В данном случае — насилие. Поэтому попробуй представить себе, что

в этой сцене нет ничего святого или душеспасительного, что в ней участвуют обычные люди... Что ты видишь?

Маркус задумался на мгновение:

— Убийство.

Собеседник медленно кивнул и прибавил:

— Кто-то выстрелил тебе в голову в том гостиничном номере в Праге.

Дождь зашумел сильнее, гулким эхом отдаваясь в церкви. Маркус подумал, что ему неспроста показали картину. Ему предлагалось задаться вопросом: кем он сам мог быть в этой сцене? Жертвой или палачом?

— Другие, глядя на эту картину, видят спасение, а я различаю только зло, — признался Маркус. — Почему?

Молния сверкнула за окнами, высветив витражи. Человек улыбнулся:

— Меня зовут Клементе. Мы с тобой священники.

Это открытие Маркуса глубоко потрясло.

— Часть тебя, которую ты забыл, различает признаки зла. Аномалии.

Маркус не мог поверить, что обладает таким талантом.

Тут Клементе положил ему руку на плечо:

— Есть место, в котором мир света встречается с миром сумерек. Там-то и происходит главное: в краю теней, где все разрежено, смутно, нечетко. Ты был стражем, призванным охранять эту границу. Ибо время от времени что-то прорывается в наш мир. Твоей задачей было изловить это и отправить обратно во мрак.

Последнюю фразу священника заглушил раскат грома.

— Много лет назад ты произнес клятву: никто не должен знать о твоём существовании. Никто и никогда. Только в миг между тем, как сверкнет молния, и тем, как ударит гром, ты можешь назвать себя.

В миг между молнией и громом...

— Так кто же я? — Маркус силился понять.

— Последний представитель священного ордена. Пенитенциарий. Ты забыл о мире, однако и мир забыл обо всех вас. Но когда-то люди называли вас охотниками во мраке.

Ватикан — самое маленькое суверенное государство в мире.

Оно занимает не больше половины квадратного километра в центре Рима, за базиликой Святого Петра. Его пределы ограждены крепкими стенами.

Некогда весь Вечный Город принадлежал папе. Но когда в 1870 году Рим был присоединен к новосозданному королевству Италии, понтифик укрылся внутри этого крохотного анклава и оттуда осуществляет свою власть.

Как независимое государство, Ватикан имеет территорию, население и правительственные структуры. Его граждане разделяются на лиц духовных и светских, в зависимости от того, приняли они обеты или же нет. Некоторые живут внутри стен, иные — за их пределами, на итальянской территории, и каждый день мотаются к месту работы, в одно из множества управлений и ведомств, проходя в какие-то из пяти врат, через которые только и можно проникнуть в Ватикан.

За стенами имеется вся инфраструктура и службы. Супермаркет, почтовое отделение, небольшая больница, аптека, судебная палата, действующая на основе канонического права, и маленькая электростанция. А еще — посадочная площадка для вертолетов и даже железнодорожная станция, правда исключительно для передвижений понтифика.

Государственный язык — латынь.

Кроме базилики, папской резиденции и правительственных зданий, на территории этого маленького города расположены обширнейшие сады и музеи Ватикана; последние ежедневно посещают тысячи туристов со всего мира, которые напоследок

восхищаются, задрав носы, великолепным потолком Сикстинской капеллы и фреской Микеланджело «Страшный суд».

Там и случилось чрезвычайное происшествие.

Около четырех, за два часа до официального закрытия музеев, охрана принялась вежливо выпроваживать посетителей, не предлагая никаких объяснений. В то же самое время на остальной территории маленького государства светскому персоналу было предложено удалиться в свои жилища, внутри стен или за их пределами. Те, кто жил внутри, должны были оставаться у себя вплоть до дальнейших распоряжений. Приказ касался и духовных лиц, которым было велено вернуться в квартиры или удалиться в кельи ватиканских монастырей.

Швейцарская гвардия, корпус папских наемников, которых с 1506 года набирают исключительно в католических кантонах Швейцарии, получила приказ закрыть все входы в город, начиная с ворот Святой Анны. Городской телефон отключили, сотовую связь заблокировали.

К шести часам этого холодного зимнего дня крепость оказалась совершенно отрезана от мира. Никто не мог ни войти, ни выйти, ни связаться с кем-либо.

Кроме двоих человек, которые прошли по двору Святого Дамасо и Лоджиям Рафаэля.

На всей обширной территории садов была прекращена подача электричества. Шаги их гулко отдавались в абсолютной тишине.

— Быстрее, у нас только полчаса, — поторопил Клементе.

Маркус понимал, что полная изоляция долго не продлится, рано или поздно у кого-то снаружи возникнут подозрения. Друг сообщил ему, что для средств массовой информации наскоро приготовили версию: карантин якобы введен ради проверки нового плана эвакуации в случае угрозы.

Однако настоящую причину следовало держать в строгом секрете.

Оба священника, зайдя в сады, включили фонарики. Сады эти занимают двадцать три гектара, половину всей территории Ватикана. Есть там сад итальянский, английский и фран-

цузский; там собраны образцы флоры со всего света. Сады эти — гордость понтификов. Многие папы прогуливались, размышляли, молились среди цветущих растений.

Маркус и Клементе прошли по аллеям, обсаженным кустами букса, которым садовники придали форму, не уступающую мраморным скульптурам. Скользнули в тень высоких пальм и ливанских кедров, под плеск сотен фонтанов, украшающих парк. Попали в розарий, устроенный Иоанном XXIII, где весной расцветали розы, носящие теперь имя святого понтифика.

Из-за высоких стен с римских улиц с их хаотическим движением доносился беспорядочный гвалт. Но там, где они очутились, царила абсолютная тишина и ничто не нарушало покой.

Но мира здесь все-таки нет, подумал Маркус. Больше нет. Мир нарушен тем, что случилось сегодня днем, когда обнаружили произошедшее.

Там, куда направились пенитенциарии, природу, в отличие от других садов, никто не приручал. В самом центре зеленых легких столицы располагалась зона, где деревья и кусты могут произрастать свободно. Лес площадью в два гектара.

Единственное, что там делали, — это периодически подбিরали валежник. Чем, собственно, и занимался садовник, забивший тревогу.

Маркус и Клементе поднялись на холм. С его вершины посветили фонариками вниз, на полянку, в центре которой представители корпуса жандармерии¹ желтой лентой огородили небольшой участок. Агенты уже исследовали место происшествия, собрали все вещдоки, а потом получили приказ удалиться.

Чтобы смогли прийти мы, сказал себе Маркус. Подошел к натянутой ленте, посветил фонариком и увидел.

Человеческий торс.

Обнаженный. Ему тут же пришел на память Бельведерский торс, изувеченная статуя Геркулеса, которой вдохнов-

¹ Корпус жандармерии Ватикана отвечает за безопасность, общественный порядок, пограничный контроль, контроль дорожного движения, уголовный розыск и выполняет другие общие полицейские обязанности в Ватикане.

лялся Микеланджело, выставленная как раз в музеях Ватикана. Но не было ничего, напоминающего о высоком искусстве, в останках женщины, с которой так зверски расправились.

Кто-то отрубил ей голову, ноги и руки. Части тела были разбросаны на расстоянии нескольких метров, вместе с лоскутами темной одежды.

— Известно, кто она такая?

— Монахиня, — ответил Клементе. — Здесь есть небольшая обитель, очень строгих правил, сразу за лесом. — Он показал рукой вперед. — Имя женщины держат в тайне, это одно из правил ордена, в который она вступила. Но не думаю, чтобы в этом случае имя нам чем-то помогло.

Маркус нагнулся, чтобы лучше рассмотреть. Белая кожа, маленькие груди, пах, бесстыдно выставленный напоказ. Белокурые волосы, очень коротко остриженные, обычно покрытые платом, виднелись теперь на отрубленной голове. Голубые глаза воздеты к небу, словно в молитве. «Кто ты?» — взглядом спросил ее пенитенциарий. Ведь есть судьба хуже смерти: умереть безымянной. «Кто это сделал с тобой?»

— Время от времени сестры гуляли в лесу, — продолжал Клементе. — Сюда почти никто не заходит, никто не мешает им молиться.

Жертва избрала затворничество, подумал Маркус. Приняла постриг, чтобы вместе с сестрами жить вдаль от человечества. Никто не должен был больше увидеть ее лицо. Но вместо этого ее тело послужило непристойной демонстрацией чьей-то злобы.

— Выбор этих сестер понять нелегко, многие считают, что лучше творить добро среди людей, чем затворяться в стенах монастыря, — рассуждал Клементе, будто читая мысли товарища. — Но моя бабушка всегда говорила: «Ты не представляешь, сколько раз эти сестры спасали мир своими молитвами».

Маркус не знал, во что ему верить. Насколько он понимал, перед лицом такой смерти мир вряд ли что-то могло спасти.

— За многие века здесь не случалось ничего подобного, — прибавил друг. — Мы к этому совсем не подготовлены. Жан-дармерия проведет внутреннее расследование, но она не располагает необходимыми техническими средствами. Нет ни суд-

медэксперта, ни криминалистов. Не будет ни вскрытия, ни проверки отпечатков пальцев, ни анализа ДНК.

Маркус повернулся к нему:

— Тогда почему не попросить помощи у итальянских властей?

В соответствии с договорами, заключенными между двумя государствами, Ватикан мог в случае необходимости прибегнуть к помощи итальянской полиции. Но помощь эта требовалась только для того, чтобы следить за толпами паломников, наводнявших базилику, или предотвращать мелкие кражи на площади перед ней. Полномочия итальянской полиции заканчивались у подножия лестницы, ведущей к Святому Петру. Во всяком случае, если не было специального обращения.

— Этого не будет, все уже решено, — отрезал Клементе.

— Как же мне проводить расследование внутри Ватикана — ведь меня заметят и, хуже того, узнают, кто я такой?

— Но ты и не станешь проводить его здесь. Кто бы это ни сделал, он явился извне.

Маркус ничего не понимал.

— Откуда тебе это известно?

— Мы знаем его в лицо.

Такой ответ ошеломил пенитенциария.

— Тело лежит здесь по меньшей мере восемь-десять часов, — продолжал Клементе. — Этим утром, очень рано, камеры видеонаблюдения зафиксировали в зоне садов подозрительного человека. Он был одет как служитель, но, похоже, униформа была украдена.

— Почему он?

— Сам посмотри.

Клементе протянул ему распечатку фотографии. Человек, одетый в форму садовника, лицо частично скрыто под козырьком кепки. Европеоидной расы, возраст неопределенный, но, скорее всего, за пятьдесят. Серая сумка через плечо, на дне — пятно более темного оттенка.

— Жандармы уверены, что в этой сумке лежал топорик или нечто подобное. Его недавно использовали: пятно, которое ты видишь, скорее всего, кровь.

— Почему топорик?

Содержание

ПРОЛОГ. Охотник во мраке	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Соляной мальчик	19
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Человек с головой волка	119
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Психопат-всезнайка	233
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Светлая девочка	297
ЭПИЛОГ. Укротитель монстров	383
Беседа с автором	407
Благодарности	411